

СОБРАНІЕ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
К. Д. УШИНСКАГО.

1364452

030

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

Педагогической Антропологіи

т. III

10p

И МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская 20.
1908.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

К. Д. УШИНСКАГО.

Дневникъ, относящійся къ гимназическимъ годамъ *).

Первенецъ университетовъ русскихъ, университетъ Московскій, отпраздновалъ уже свой столѣтній юбилей; но, несмотря на это, если сравнить положеніе нашихъ университетовъ въ общественной жизни съ тѣмъ, которое имѣютъ въ ней древніе университеты Германіи и Англіи, то мы увидимъ, что это историческое явленіе западной жизни, развившееся изъ нея совершенно органически, будучи перенесено на русскую почву, пустило въ нее еще не слишкомъ глубокіе корни и приняло, кромѣ того, особенный, только русской жизни свойственный, характеръ, который иногда не вполне гармонируетъ съ его ученымъ и воспитательнымъ значеніемъ. Мы не будемъ разбирать здѣсь ни причинъ этого явленія, ни его многочисленныхъ послѣдствій, что увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ той главной мысли, которую мы хотимъ высказать въ нашей статейкѣ; но расскажемъ лучше нашу собственную университетскую жизнь именно потому, что она, сколько мы наблюдали, и тогда и впослѣдствіи прошла почти точно такъ же, какъ проходила пятнадцать лѣтъ тому назадъ и теперь

*) Настоящій дневникъ представляетъ воспоминанія К. Д. Ушинскаго о своемъ пребываніи въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, записанныя имъ въ позднѣйшее время.

Выдержки изъ этого дневника были помѣщены А. Ф. Фролковымъ въ составленной имъ біографіи К. Д. Ушинскаго. *Изд.*

еще проходить университетская жизнь большей части русских студентовъ. Просимъ нашихъ читателей не приписывать намъ никакихъ притязаній на печатную автобіографію. Мы вполне сознаемъ нелѣпость подобныхъ притязаній; но говоримъ здѣсь о себѣ именно потому, что и мы прожили и почувствовали то, что прожито и прочувствовано болѣе или менѣе одинаково многими сотнями бѣдныхъ молодыхъ людей, и прежде и послѣ насъ промелькнувшихъ въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій.

Воспитаніе, которое мы получили въ тридцатыхъ годахъ въ бѣдной уѣздной гимназіи маленькаго городка Малороссіи Н—ска, было въ учебномъ отношеніи не только не ниже, но даже выше того, которое въ то время получалось во многихъ другихъ гимназіяхъ. Этому много способствовала страстная любовь къ наукѣ и нѣсколько даже педантическое уваженіе къ ней въ покойномъ директорѣ Н—ской гимназіи, старикѣ профессорѣ, имя котораго извѣстно и ученой литературѣ, Ильѣ Ѳедоровичѣ Тимковскомъ. Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ неліцемернымъ, продолжавшимся до гроба, служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да помогутъ имъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ. Искреннія ученыя стремленія и глубокія религіозныя убѣжденія, соединившіяся въ незабвенномъ Ильѣ Ѳедоровичѣ, имѣли сильное вліяніе на гимназію. Почтенный старикъ, переходившій безпрестанно отъ Горация и Виргилія къ Библии и отъ постовыхъ молитвъ, которыя онъ самъ читалъ въ кругу гимназистовъ, къ цитатамъ изъ Тацита и Цицерона, былъ и въ то время явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, а нынѣ даже очень и очень рѣдкимъ. Вотъ почему во время Ильи Ѳедоровича Тимковскаго воспитанники Н—ской гимназіи отличались на экзаменахъ во всѣхъ

университетахъ. Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговѣнное уваженіе къ наукѣ и къ тѣмъ немногимъ учителямъ и даже товарищамъ, которые ревностно ею занимались. Умѣнье переводить трудныя мѣста Горация или Тацита было патентомъ на всеобщее уваженіе. Такого ученика 7 класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первѣйшаго (т. е. приготовительнаго) класса, смотрѣли на него съ уваженіемъ и произносили его имя, какъ имя какого-нибудь Гумбольдта. Другіе предметы были слабѣе, а новые языки, по неимѣнію ни хорошихъ преподавателей, ни хорошихъ руководствъ, шли очень плохо. Старикъ директоръ появлялся въ гимназій рѣдко; но его появленіе было какимъ-то страшнымъ судомъ для воспитанниковъ, хотя, надобно замѣтить, онъ, кромѣ первѣйшаго класса, нигдѣ не позволялъ употребленія розогъ.

Но несмотря на замѣчательную личность директора, несмотря на то, что Н—ская гимназія была одною изъ лучшихъ въ то время, если теперь припомнить все, что могла дать она прилежнѣйшимъ изъ своихъ учениковъ, то нельзя не сознаться, что все это было весьма не обширно. Хорошо уже и то, что у большей части учениковъ были любимые предметы; но вообще ученье далеко не достигало той полноты подготовительныхъ свѣдѣній, которой можно и должно требовать отъ гимназій. Мы узнавали только кое-что то изъ той, то изъ другой науки; но любили и уважали то, что узнавали, и это уже было много. Плохіе тощіе учебники и отсутствіе всякихъ педагогическихъ свѣдѣній въ преподавателяхъ всего болѣе были причиной такой неполноты свѣдѣній; потому что при хорошемъ учебникѣ и благоразумной методѣ и посредственный преподаватель можетъ быть хорошимъ; а безъ того и другого и лучший преподаватель съ такими рѣдкими способностями и такимъ рвеніемъ къ дѣлу, которыя трудно предположить въ человѣкѣ, ограничившемся скромною учитель-

скою карьерою и скуднымъ учительскимъ жалованьемъ, долго, а можетъ быть и никогда, не выйдеть на настоящую дорогу.

Что же касается собственно до воспитательной части, то она даже едва ли существовала въ то время.

Моя гимназія помѣщалась за городомъ, въ ветхомъ старомъ зданіи, постройка котораго относилась еще къ временамъ Екатерины II-ой или чуть ли еще не далѣе. Длинное, низенькое, ветхое, почернѣвшее зданіе съ своей скверной, украшенной флюгеромъ, будочкой наверху, въ которой качался неутомонный колокольчикъ, походило, по мнѣнію окрестныхъ помѣщиковъ, болѣе на паровую винокурню, чѣмъ на храмъ науки: окна въ старыхъ рамахъ дрожали, подгнившіе полы, залитые чернилами, и стоптанные гвоздями каблуковъ, скрипѣли и прыгали; расколовшіяся двери притворялись плохо, длинныя старыя скамьи, совершенно утратившія свою первоначальную краску, были изрѣзаны и исписаны многими поколѣніями гимназистовъ. Чего - чего только не было на этихъ скамьяхъ! и ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернилъ, и угловатыя человѣческія фигурки, солдатики, генералы на лошадяхъ, портреты учителей, безчисленные изреченія, безчисленные обрывки уроковъ, записанныхъ ученикомъ, не понадѣявшимся на свою память, клѣточки для игры въ скубки, состоявшей въ томъ, что гимназистъ, уснѣвшій поставить три креста сряду, дралъ немилосердно своего партнера за чубъ. Старые почернѣвшіе портреты героевъ екатерининскаго времени, въ старыхъ, источенныхъ червями, рамахъ качались на стѣнахъ, украшенныхъ обрывками обоевъ. Плохо было это зданіе; но мнѣ жаль его, какъ жаль первыхъ и живыхъ сновъ своей дѣтской жизни. Теперь оно замѣнено прекраснымъ, каменнымъ; но дай Богъ, чтобы внутренность его настолько же улучшилась, насколько улучшена внѣшность. Въ самой гимназіи тогда никто не жилъ, кромѣ двухъ учителей и трехъ или четырехъ стариковъ-инва-

лидовъ, служившихъ при гимназiи сторожами. Все же учебное стадо, и овцы и пастыри, являлись въ гимназiю два раза въ день, утромъ и вечеромъ, на время уроковъ, а потомъ шумно разсѣивались по маленькому, но живописному городку, залитому садами, разбросанному по небольшимъ горамъ, прихотливо изрѣзанныхъ рвами, на красивомъ берегу Десны. А стадо было не маленькое! Въ тридцатыхъ годахъ считалось въ Н—ской гимназiи, если не ошибаюсь, болѣе четырехъ сотъ учениковъ; а въ первѣйшемъ классѣ были даже и ученицы, грязныя, оборванные дѣвочки, расплывшіяся теперь до нельзя за прилавками Н—скихъ лавокъ. Въ низшихъ классахъ бывало до того душно, что какой-нибудь новенькій учитель, еще не привыкшій къ нашей гимназической атмосферѣ, долго морщился и отплевывался, прежде чѣмъ начиналъ свой урокъ. Старикъ же Яковъ Яковлевичъ, о которомъ уже не въ первый разъ упоминается въ печати, какъ кажется, очень любилъ эту атмосферу и, если называлъ насъ копшуками (т. е. мѣшечками), то болѣе съ удовольствіемъ, чѣмъ съ гнѣвомъ. Небольшая часть изъ этого числа гимназистовъ принадлежала самому Н—ску; остальные собирались изъ губерніи и не только изъ той, гдѣ находится Н—скъ, но даже изъ двухъ или трехъ сосѣднихъ. Для бѣднаго городка, въ которомъ едва ли можно было насчитать въ то время до двухъ сотъ домиковъ и то большею частью жидовскихъ лачугъ, гимназическое населеніе въ четыреста душъ было источникомъ главнѣйшихъ выгодъ. Не было почти ни одного христіанскаго домика, гдѣ бы не жило шести, семи, а иногда и десяти паничей, какъ звали насъ жители Н—а. Шопа *), что-то въ родѣ деревянной бесѣдки съ претензіями на греческій храмъ, стоявшая посреди вѣчно грязной площади, процвѣтала въ то время. Торговки въ синихъ халатахъ и островерхихъ головныхъ платкахъ, засѣдавшія на ступеняхъ этого

*) Шопа—малороссійское названіе балагана или лавки на базарѣ.

храма, нарочито для гимназистовъ приготовляли неимоверное количество бубликовъ, маковниковъ, шишекъ, орѣховъ, арбузныхъ сѣмячекъ и прочаго лакомага снадобья.

Надзора за квартирной жизнью всего этого огромнаго количества дѣтей со стороны гимназическаго начальства не было рѣшительно никакого, если не считать весьма рѣдкихъ и quasi-неожиданныхъ нашествій инспектора на какую-нибудь квартиру, раскурившуюся уже до того, что дымъ валилъ изъ оконъ, или гдѣ (увы!) счеты изъ винныхъ лавочекъ оказывались уже слишкомъ длинными. Но осторожные хозяева, боясь потерять квартирантовъ, устраивали по большей части дѣло такъ, что инспекторъ оставался съ носомъ. Гувернеровъ сначала не было ни одного, а потомъ хотя и появились одинъ или два, но такіе, что лучше бы ихъ и не было. Въ самой гимназiи до прихода учителей, какъ и въ кievской бурсѣ, описанной Гоголемъ, устраивались различныя воинственныя игры, оканчивавшіяся иногда порядочнымъ побоищемъ. Если же партія шалуновъ или лѣнивцевъ оставалась иногда безъ обѣда въ гимназiи, то, несмотря на то, что у оштрафованныхъ отбирались фуражки и снималось по сапогу, не унывали. Подъ бокомъ былъ высокій тѣнистый монастырскій садъ, гдѣ между рядами могилъ росли старыя вѣтвистыя яблони и груши, а чтобы перелѣзть черезъ высокій деревянный заборъ и, въ случаѣ внезапнаго нападенія монаховъ, быть свободнѣе при отступленіи, то для этого снимался и остальной сапогъ. Иногда устраивались преинтересныя флотиліи на сосѣдней громадной лужѣ, причемъ бывало не безъ купанья; ученики же постарше бѣгали иногда и въ слободку, расположенную за монастыремъ и славившуюся веселостью своихъ обитателей и еще болѣе обитательницъ. Весной отправлялись въ огромные, извилистые рвы, изрывшіе мѣловыя окрестности Н—ска; тамъ росла чудная земляника, тамъ же я и сотни подобныхъ мѣвъ брали первые уроки въ куреніи табаку изъ очеретоваго

чубука и глиняной или мѣловой самодѣльной трубочки; эти первые уроки, конечно, оканчивались весьма пріятнымъ опьяненіемъ и даже рвотой; иногда давались и гораздо болѣе гибельные пріятельскіе уроки и устраивались довольно грязныя оргіи. Въ гимназіи мы еще подвергались какой-нибудь дисциплинѣ, поддерживаемой палями *), стояніемъ на колѣняхъ, или ночевкой въ избѣ сторожа-старика, тершаго табакъ на весь городъ и готоваго за гривенникъ на всякую услугу заключенному; но за стѣнами гимназіи мы рѣшительно представлены были самимъ себѣ и случаю.

Но послѣ такого описанія нашей гимназической жизни вы въ правѣ спросить, что же я нашелъ въ ней хорошаго и почему такъ выгодно отозвался объ ея направленіи? Но я пишу не похвальную рѣчь Н-ской гимназіи, а просто рассказываю нашу гимназическую жизнь съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Прежде я самъ смотрѣлъ на нее не совсѣмъ благосклонно, но познакомившись впоследствии ближе съ настоящими учебными заведеніями и въ губерніяхъ и въ столицахъ, встрѣчаясь потомъ въ жизни съ воспитанниками самыхъ разнообразныхъ заведеній и опредѣляя характеръ общаго типа даннаго имъ воспитаніемъ, я убѣдился, что въ Н—ской гимназіи 30-хъ годовъ было дѣйствительно много хорошаго посреди не малаго количества дурного. Впоследствии я узналъ, что въ иныхъ огромныхъ дѣтскихъ казармахъ, гдѣ все такъ вылакировано, вычищено, все блеститъ и сверкаетъ, все хвастливо кидается въ глаза своей обдуманностью и порядкомъ, гдѣ дѣти находятся ежеминутно подъ бдительнымъ надзоромъ неусыпныхъ начальниковъ, украшенныхъ за свою бдительность всѣми возможными отличіями, заводятся между дѣтьми тѣ же пороки, которые водились и между нами въ бѣдныхъ лачугахъ Н—ска, только эти пороки принимаютъ здѣсь еще болѣе

*) П а л и—означаетъ на малор. нарѣчій ударъ линейкой по ладони.

характеръ повальныхъ болѣзней, тщательно скрываемыхъ, но не искореняемыхъ начальствомъ. Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ, и такія, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто и рассчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы, и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, уже съ математической точностью, сдѣлавшею бы честь любому воеводѣ передового полка, считаются чинами и породю своихъ батюшекъ, дядюшекъ и тетюшекъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній; но въ которыхъ, несмотря на аристократичность направленія, водилось и пьянство и повальный школьный развратъ и даже прорывалось и воровство и клевета. Насмотрѣвшись на все это и встрѣчая часть молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи и окончившихъ съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ, какъ предметахъ, необходимыхъ въ неизбѣжной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ практической жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... о! тогда я оцѣнилъ по достоинству и постовыя молитвы покойнаго Ильи Ѳедоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горациа, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: Университетъ!

А воля, а просторъ, природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля; а розо-

вая весна и золотистая осень развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго разрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменные стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей—этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри то гробовое молчаніе, то оффиціальнѣйшій гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые, аргу-совскіе глаза купленнаго надзора; повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка—все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной то(кой, какою-то мучительной бессмыслицей; я бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью!

Это впечатлѣніе до того сильно во мнѣ, что разъ, когда мнѣ случилось во время моего студенчества попасть въ больницу и мнѣ отвели номерную койку, мнѣ казалось въ бреду, что меня изъ человѣка сдѣлали номеромъ и употребляютъ въ какихъ-то мучительныхъ математическихъ вычисленіяхъ. Грезы мои ночью и тоска днемъ обратили вниманіе добряка доктора и онъ объявилъ, что я не могу выздоровѣть въ больницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я началъ поправляться только съ того дня, когда меня взяли изъ больницы.

Конечно, такое направленіе есть отчасти особенность, зависѣвшая отъ врожденныхъ инстинктовъ и обстоятельствъ моего дѣтства, и если скажу здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ обстоятельствахъ, то только потому, что состояніе дѣтства глубже всего можетъ изучить человѣкъ на самомъ себѣ и что заглянуть въ душу ребенка можно только, живо припоминая свое собственное дѣтство и свои первыя дѣтскія впечатлѣнія.

Н—ская гимназія, какъ я уже сказалъ, стояла за городомъ; а домикъ моего отца находился на другой сторонѣ города—верстахъ въ четырехъ отъ гимназіи, тоже за городомъ и въ мѣстности гористой и очень живописной. Мать моя умерла, когда мнѣ не было еще двѣнадцати лѣтъ, а отецъ по смерти матери почти не жилъ дома, такъ что жилъ я одинъ съ меньшимъ братомъ моимъ въ томъ хуторкѣ, куда никто не заглядывалъ. Прекрасное мѣстоположеніе, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый садъ, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мнѣ любовь къ природѣ. Изъ хутора я ежедневно долженъ былъ ходить въ гимназію и еще до города пройти версты двѣ по живописному берегу Десны. Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою. Зимой, особенно въ сильные морозы, бѣгать ежедневно въ гимназію въ плохой шинелькѣ съ книгами и тетрадями было довольно тяжело; но ни морозъ, ни метель, ни снѣгъ никогда не могли удержать меня въ городѣ, гдѣ бы я могъ найти пристанище. Не ночевать одной ночи дома было для меня сильнѣйшимъ наказаніемъ и разъ, когда за какую-то неисправность, одинъ изъ учителей, жившихъ въ гимназіи, хотѣлъ оставить меня на воскресенье у себя, то я такъ плакалъ, такъ рвался и приходилъ въ такое отчаяніе, какъ будто меня приговорили къ смертной казни. Варваръ учитель не сжалился и я не могу выразить той подрывающей тоски, какую я испытывалъ въ тотъ вечеръ, слу-

шая его игру на флейтѣ и вой подтягивающей ему собаки. Звонкій хохотъ учителя послѣ каждой ужасной рулады пуделя-артиста мучилъ меня невыносимо. Я не могъ заснуть ни на минуту и на утро, послѣ долгихъ бореній, не выдержалъ и убѣжалъ—убѣжалъ затѣмъ, чтобы только дойти до дому и снова воротиться въ гимназію.

Но какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна: я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывавшая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетѣть птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго недремлющаго вниманія и *«впечатлѣнія бытія»* до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Но вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и неприятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими таинственными зелеными глубинами, вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и нивѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачемъ, милліонеромъ въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона? Какія впечатлѣнія могутъ дать имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы?! Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разумъ станетъ между *человѣкомъ* и природой. Странно, что воспитательное вліяніе природы, которое каждый болѣе или менѣе испыталъ на себѣ, которое съ такой живостью выражается почти въ каждой вымышленной и истинной біографіи, такъ мало оцѣнено въ педагогикѣ. Е сли бы люди, располагающіе судьбой дѣтскихъ поколѣній, яснѣе припоминали

свое собственное дѣтство, то вѣроятно бы столичные учебныя заведенія, вмѣсто того, чтобы болѣе и болѣе скопляться въ столицахъ и большихъ городахъ, мало-по-малу переводились бы въ лучшія мѣстности страны. Знаю, что многое можно сказать: затрудняющее устройство учебныхъ заведеній внѣ городовъ; но знаю также, что всѣ эти затрудненія ничто въ сравненіи съ тою воспитательною и гигиеническою пользою, которая можетъ послужить для дѣла отъ такой перемѣны.

Но сказавши о благодѣтельномъ вліяніи жизни съ природою на воспитаніе дитяти, я не хочу умолчать и о томъ вліяніи, которое имѣетъ на ребенка исключительность такой жизни. Слишкомъ большое уединеніе, въ которомъ я проводилъ большую часть времени своего дома, длинная, болѣе чѣмъ полуторачасовыя прогулки въ гимназію и назадъ по пустыннымъ кручамъ Десны, въ соединеніи съ нѣсколькими десятками путешествій и романовъ, которые я прочелъ въ библіотекѣ отца, оставленной на нашъ произволь, слишкомъ рано и сильно развили во мнѣ мечтательность. Въ головѣ моей мало-по-малу создавался цѣлый міръ полузаимствованныхъ, полуоригинальныхъ образовъ, которые очень удобно размѣщались въ окружающемъ меня уединеніи и по прекраснымъ ландшафтамъ Десны и нашего сада; но въ которыхъ не было ничего общаго съ тою жизнью, которая встрѣчала меня въ гимназій, въ кругу учителей и товарищей и въ немногихъ знакомыхъ домахъ, гдѣ я изрѣдка появлялся. Въ головѣ моей, особенно когда я медленно, шагъ за шагомъ, брелъ изъ гимназій, сплетались цѣлыми мѣсяцами и даже годами длинная и сложная фантастическія исторіи и самые дикіе романы, въ которыхъ, конечно, я былъ героемъ. Само собою разумѣется, что большая часть этихъ фантазій были воинственнаго содержанія; но иногда онѣ принимали странный аскетическій характеръ. Воинственныя преданія Н—ска, осада его Самозванцемъ, защита Басмановымъ, участіе въ Шведской войнѣ, множество преданій удалого ка-

зачества, ясные остатки укрѣпленій,—все это, перемѣшанное съ вальтерскотовскою исторіею Наполеона и съ множествомъ воинственныхъ повѣстей, послужило мнѣ къ созданію длинной нескончаемой исторіи, которою я нѣсколько лѣтъ сокращалъ свою длинную дорогу. Мѣстность бралась тутъ же, и моя фантазія работала надъ нею. Полуразрушенные валы возобновлялись, тамъ и сямъ поднимались зубчатая стѣны и высокія башни, тихій монастырь, господствующій надъ окрестностями, превращался въ неприступную цитадель, по кручамъ устанавливались... *)

*) На этомъ мѣстѣ рукопись прекращается. *Изд.*